

ХРОНИКА

CHRONICLE

УДК 910.4(092)

doi: 10.33933/2713-3001-2026-84-523-531

Иван Папанин: эпоха становления от первых морских экспедиций до управления Главсевморпути

Алла Олеговна Волгушева

Санкт-Петербургский горный университет императрицы Екатерины II, Санкт-Петербург,
Volgusheva_irbis@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена жизненному пути Ивана Дмитриевича Папанина, который внес значительный вклад в освоение Арктики. На основе исторических документов анализируются истоки формирования его личности в детские годы, а также первые практические шаги в качестве участника морских и полярных экспедиций. Подробно рассматривается, как опыт ранних экспедиций и личные качества исследователя предопределили его выдвижение на пост руководителя Главсевморпути — мощного локомотива освоения природных богатств Арктики.

Ключевые слова: Иван Дмитриевич Папанин, история освоения Арктики, дрейфующая станция СП-1, Северный морской путь, Главсевморпуть.

Введение

В современной геополитике наблюдается возрастающий интерес к арктическому региону, в связи с чем возникает необходимость обращения к историческому опыту освоения русского Севера, в частности к фигуре Ивана Дмитриевича Папанина (1894—1986), дважды героя Советского Союза, контр-адмирала, который золотыми буквами вписан в историю освоение Арктики. Будучи не только героем-полярником, но и гениальным кризис-менеджером, он помогал стране выиграть битву за Арктику задолго до того, как это стало мировой тенденцией.

И. Д. Папанин, с одной стороны, был руководителем первой в мире дрейфующей станции «Северный полюс-1» (1937—1938), с другой — на его плечах лежал огромный спектр государственных задач и решений, с которыми он удивительным образом справлялся в нелегкое для страны время. В данной статье стоит

Выдающийся полярник,
дважды герой Советского Союза
Иван Дмитриевич Папанин.

цель проанализировать, каким образом деятельность И. Д. Папанина повлияла на институционализацию полярных исследований в СССР.

Путь в Арктику: становление лидера. Детство, отрочество, юность

Анализ автобиографии И. Д. Папанина в книге «Лед и пламень» дает ценный материал для реконструкции его детства и понимания социально-психологических истоков формирования его характера. Он родился в бедной семье матроса, в Корабельной стороне — отдаленном районе Севастополя. Семья была многодетной, но из девяти детей выжило лишь шесть. Его отец, Дмитрий Николаевич Папанин, был потомственным матросом, после действительной службы на флоте работал баржевым матросом, развозив по военным кораблям воду. Такая работа приносила нищенские заработки и семья бедствовала, но именно от отца И. Д. Папанин унаследовал организованность, флотскую дисциплину и любовь к морю. Про свою мать, Секлетию Петровну, он писал с неподдельной нежностью. Он любил ее самозабвенно и искренне, называя ее «горемычной, так и не узнавшей, что такое счастье» [1, с. 6]. Мать как могла старалась для семьи: обшивала детей, следила за их внешним видом и дети, несмотря на бедность, всегда были пострижены и чисто одеты.

Трудовая деятельность будущего исследователя началась в шестилетнем возрасте с рыбного промысла. Полученный улов был дополнительным источником дохода семьи. В детстве он также добывал деньги, ныряя за монетами, которые бросали в море богатые туристы. Заработок нырянием открыл Ивану глаза на классовое неравенство, но материнский наказ научил его главному: бедность не оправдывает бесчестие, а честно заработанная копейка позволяет ходить с высоко поднятой головой [1, с. 5—9]. Учеба в земской школе давалась ему достаточно легко, о чем свидетельствует ее окончание с отличием. Интерес к математике и географии также отражен в автобиографии.

Интересным представляется сопоставительный анализ публицистических материалов и личных воспоминаний И. Д. Папанина, где имеется явное расхождение. СМИ навязали героический миф о «призвании к Арктике», на самом деле имела место прагматическая мотивация личности. Юношеские стремления исследователя были ориентированы не на полюс, а на тропические широты, как пространство климатического комфорта и пищевого изобилия, избавленное от тягот сурового быта и холода [1, с. 15].

В автобиографии Иван Дмитриевич Папанин подчеркивал прикладной характер своего раннего профессионального опыта: работа в мастерских по производству мореходных приборов (учреждение «Лоция») стала для него первой ступенью социализации в морской среде, соединив ремесленное обучение с практическими нуждами военного флота.

Получив профессиональные навыки токаря, он к шестнадцати годам стал зарабатывать больше отца. Несмотря на сильную привязанность к семье и роль «опоры для матери», стремление к профессиональной самореализации и финансовой

независимости стало определяющим фактором для отъезда в Ревель, где он стал работать на крупном судостроительном предприятии, получая зарплату, превышавшую прежний доход вдвое [1, с. 23].

Трансформация личности в условиях общественно-политических катаклизмов первой четверти XX века

Жизненный путь И. Д. Папанина следует рассматривать сквозь призму процессов первой четверти XX столетия. Опыт Первой мировой и Гражданской войн, а также смена политических приоритетов стали определяющими моментами его биографии.

Военно-политическая биография И. Д. Папанина началась в 1914 г. с зачисления в личный состав Севастопольского военного порта. Смена государственного строя в 1917 г. способствовала его переходу в ряды Черноморского отряда Красной армии, где он проявил себя как активный участник боевых операций и инициатор формирования партизанских объединений на Крымском полуострове.

В начале 1920-х годов Папанин занимал ответственные посты в структуре морских сил Юго-Западного фронта и региональных подразделениях ВЧК, специализируясь на оперативной работе и противодействии антиправительственным формированиям. Сам Иван Дмитриевич Папанин характеризовал свою деятельность в органах ВЧК как период «предельного напряжения», обусловленный сложной оперативной обстановкой в послевоенном Крыму [1, с. 56].

Дальнейшая траектория карьеры была связана с работой в центральных аппаратах Наркомата морских дел и Наркомата почт и телеграфов в Москве.

В 1925 г. важнейшей вехой в преодолении информационной изолированности Якутской Автономной Социалистической Советской Республики (ЯАССР) стало развертывание государственного радиостроительства в её золотопромышленных районах. Значимый вклад в этот процесс внесла научно-техническая экспедиция Наркомата почт и телеграфов, организованная в сотрудничестве с нижегородской радиолaborаторией под руководством выдающегося инженера П. А. Острякова. Участие И. Д. Папанина в качестве заместителя начальника строительства мощной дуговой радиостанции на Алдане (г. Томмот) позволило досрочно сдать объект в эксплуатацию, заложив технологическую основу для интеграции удаленных территорий автономной республики в общесоюзную сеть связи [1, с. 75].

Успешная реализация данной миссии послужила отправной точкой для окончательного перехода И. Д. Папанина в сферу высокоширотных арктических исследований [2]. Оценивая значимость этого опыта в своих мемуарах, он подчеркивал, что именно со строительства радиостанции началась «северная повесть» его жизни [1, с. 78].

Следует отметить, что алданский период не только предопределил дальнейший вектор профессиональной деятельности И. Д. Папанина, позволив выработать комплекс управленческих и тактических навыков для руководства последующими полярными экспедициями, но и создал объективные предпосылки для его

дальнейшего теоретико-практического обучения: по возвращении в Москву он совмещал подготовку на Высших административных курсах связи с обучением в качестве слушателя первого факультета связи во Всесоюзной плановой академии (ВПА) при Госплане СССР [1, с. 78].

Закалка Севером: опыт руководства полярными станциями (1931—1936)

Историки отмечают, что именно в период с 1931 г. по 1935 г. сформировался «героический канон» и методическая база его управленческой деятельности [4]. Хронология и масштаб арктических кампаний И. Д. Папанина в 1931—1935 гг. фиксируют закономерный рост уровня его ответственности и последовательное усложнение его организаторских функций.

Высокоширотный рейс на ледокольном пароходе «Малыгин» (июль 1931 г.)

Летом 1931 г. Германия организовала арктическую научно-исследовательскую экспедицию на дирижабле «Граф Цеппелин» для изучения ледового покрова и уточнения географических координат полярных архипелагов. В рамках межгосударственных соглашений СССР разрешил полет над своей территорией при условии участия советских специалистов и обмена научными данными. Для проведения запланированного в бухте Тихой (Земля Франца-Иосифа) почтового обмена с дирижаблем и специального гашения марок Наркомат почт и телеграфов СССР направил на ледоколе «Малыгин» И. Д. Папанина, возглавившего развернутое на судне временное отделение связи, что подчеркивало статус СССР как равноправного игрока в полярных широтах. Успех И. Д. Папанина в обеспечении взаимодействия между ледоколом и дирижаблем закрепил за ним репутацию блестящего организатора в экстремальных условиях.

Необходимо отметить еще один важный эпизод, случившийся в экспедиции на «Малыгине», — это знакомство с выдающимися полярниками, среди которых были Р. Л. Самойлович и В. Ю. Визе, которые повлияли на решение И. Д. Папанина поменять административную работу в Москве на Арктику [3, с. 42]. Можно сказать, что В. Ю. Визе стал «крестным отцом» И. Д. Папанина в полярной науке, а также, как отмечает сам И. Д. Папанин в мемуарах «Лед и пламень», именно рекомендации Визе способствовали его дальнейшему продвижению по административной линии в Главсевморпути [1].

И хотя большинство исследователей считают, что в дальнейшем отношения между Владимиром Визе и Иваном Папаниным представляли собой сугубо профессиональное сотрудничество, в массиве личной переписки И. Д. Папанина, хранящейся в Центральном государственном архиве научно-технической документации Санкт-Петербурга (далее ЦГАНТД СПб), выделяется сугубо конфиденциальное обращение В. Ю. Визе. Автор просит о содействии в приобретении дефицитного медицинского препарата, производство которого только осваивалось советской фармацевтической промышленностью. Свободное распределение

данного лекарственного средства в аптечной сети отсутствовало, а его получение напрямую зависело от доступа к системе номенклатурного обеспечения — Центральной (Кремлевской) аптеке, возможностями которой И. Д. Папанин, в силу своего административного статуса, несомненно, располагал.

Полярная станция в бухте Тихой (1932—1933)

Если в 1931 г. на «Малыгине» И. Д. Папанин выполнял узкоспециализированные функции представителя Наркомпочтеля [1], то уже на Земле Франца-Иосифа (1932—1933) под его началом находился крупный коллектив из 35 человек, включая строителей и научных сотрудников [5]. Для участия в этой экспедиции И. Д. Папанин даже оставил учебу во Всесоюзной плановой академии [6, с. 10]. В результате станция была полностью модернизирована и превращена в крупнейшую в мире обсерваторию. Успешно была выполнена программа Второго Международного полярного года. Возведены новые жилые дома, ангары, гидрологический домик. Внедрен жесткий санитарный контроль [8].

Полярная станция на мысе Челюскин (1934—1935)

Организационным триумфом «папанинского метода» администрирования стала экспедиция на мыс Челюскин (1934—1935). В рамках системного освоения Северного морского пути отряд из 25 специалистов во главе с И. Д. Папаниным в условиях абсолютной изоляции возвел передовой научно-технический комплекс на крайней северной материковой точке Евразии [7]. Уникальной особенностью этой зимовки стало привлечение его супруги, Галины Кирилловны Папаниной, в качестве руководителя метеорологической станции и административно-хозяйственной работы, что оказало существенное воздействие на психологический климат внутри замкнутой социальной группы. Итогами этой экспедиции были построение с нуля мощного научно-исследовательского полярного комплекса, возведение здания радиоцентра, магнитной и метеорологической обсерваторий, запуск первой в Арктике ветроэлектростанции [1, с. 115—117].

Административно-снабженческая деятельность И. Д. Папанина на дрейфующей льдине (21 мая 1937 г. — 19 февраля 1938 г.)

Станция «Северный полюс-1» стала первым в мировой истории успешным опытом круглогодичного научно-исследовательского дрейфа в экстремально высоких широтах. До середины 1930-х гг. эксперты сходились во мнении, что организация жизнедеятельности на дрейфующих льдах в период полярной ночи технически невозможна. Коллектив СП-1 опроверг этот скептический тезис, впервые в истории превратив дрейфующую льдину в полноценную, автономную научную лабораторию.

Успех экспедиции во многом предопределила скрупулезная кадровая работа: И. Д. Папанин лично формировал команду, оценивая кандидатов не только по профессиональным навыкам, но и по фактору психологической совместимости

Палатка дрейфующей станции «Северный Полюс-1».

в условиях изоляции. В результате этот жесткий отбор прошли геофизик Е. К. Федоров, океанолог П. П. Ширшов и радист Э. Т. Кренкель. Несмотря на то, что истории данного дрейфа посвящено множество трудов (включая мемуары самого И. Д. Папанина и Э. Т. Кренкеля) [9, 10, 11], личные заметки Е. К. Федорова долгое время оставались неизданными. Их последующая публикация позволила исследователям заглянуть за кулисы официальной хроники. Дневники Е. К. Федорова ценны именно тем, что они детально описывают внутреннюю атмосферу на льдине, показывая, как на практике сработал папанинский подход к подбору команды [9].

Тяжелейшие условия труда полярников подтверждают дневниковые записи Э. Т. Кренкеля. Согласно его источникам, личный состав работал на пределе возможностей: рабочий день начинался в шесть часов утра и продолжался до десяти вечера, прерываясь на обед лишь в 18:00. При этом П. П. Ширшов и Е. К. Федоров отдавали научным наблюдениям до шестнадцати часов в сутки, фактически жертвуя временем на отдых и сон.

Сам Э. Т. Кренкель был горд, что кормил коллектив духовной и материальной пищей, так как находился либо на радиостанции, либо на кухне, а наружные работы (присмотр за грузом, осмотр баз) лежал на И. Д. Папанине. Что касается питания, то Э. Т. Кренкель описывает достаточно разнообразное меню обеденного стола путешественников: на первое — супы: гороховый, перловый, борщ, свежие щи, свежая уха. На второе — каша, куриные и мясные котлеты, свежая свинина,

рыба, зеленый горошек, охотничьи сосиски. На третье — чай, кофе, какао, компот, кисель [11, с. 69].

Успех снабжения и обустройство быта стали возможными главным образом благодаря личным усилиям И. Д. Папанина. Прошедший через лишения трудного детства и дефицит базовых жизненных благ в юности, он обладал уникальным практическим опытом выживания и обостренным пониманием ценности человеческого ресурса. Именно поэтому он придавал особое значение бытовым вопросам: лично контролировал калорийность и разнообразие рациона питания, конструировал максимально теплые жилые палатки и брал на себя весь объем тяжелого физического труда. Такая снабженческая стратегия полностью освободила ученых от бытовой рутины и стала ключевым фактором сохранения здоровья и психологической стойкости коллектива в экстремальных условиях Севера.

В своем дневнике Иван Дмитриевич Папанин писал, что подготовка продуктов была поручена Институту инженеров общественного питания, который разработал для них систему сублимированных пищевых концентратов, но были и продукты, не подвергавшиеся никакой обработке, помимо сушки и прессования. Ассортимент продуктов состоял из сорока шести наименований, все упаковывалось в тридцать пять жестяных бидонов по сорок четыре килограмма каждый. В бидоны закладывались сливочное масло, паюсная икра, сало, корейка, плавленый сыр, рис, мука, компот, крахмал, сухари, сухой лук, шоколад, кофе и многое другое [9, с. 17]. Такой подход к питанию полностью исключил риски возникновения возможных заболеваний (в частности, цинги) и обеспечил непрерывность работы научно-исследовательского контингента в высоких широтах.

Одежда и обувь путешественников состояла из шелкового и шерстяного белья, шерстяных костюмов, носков, чулок из меха собаки, валенок с калошами, штанов, рубашек из оленьих шкур, шапок из меха росوماхи, пуховых комбинезонов, кожаных сапог, кожаных пальто, брезентовых плащей. По словам И. Д. Папанина, они сами продумывали фасоны своей одежды, чтоб она была удобной и теплой. Кроме этого, имелись запасы одеколona, бритв для бритья, зубных щеток и прочих необходимых мелочей [9, с. 19]. Общий вес снаряжения составлял девять тонн. Следует заметить, что подобный грамотный подход был уникальным и резко отличался от общепринятых стандартов прежних экспедиций. Сам И. Д. Папанин знал их печальный опыт и категорически боялся его повторить.

Еще одним участником экспедиции должен был стать В. Ю. Визе, но врачебная комиссия не допустила его по причине заболевания сердца, между тем именно В. Ю. Визе имел за своими плечами печальный опыт во время экспедиции Г. Я. Седова к Северному полюсу. Из-за спешной закупки у архангельских купцов провианта экспедиция осталась с дефицитом недоброкачественных продуктов. Гнилая пища вызвала цингу, от которой умерли механик И. А. Зандерс и командир Г. Я. Седов. Ситуацию осложняло отсутствие зимней одежды. Например, И. А. Зандерс все два года провел в одном пиджаке, в котором его и похоронили на Земле Франца-Иосифа [12, с. 339].

Таким образом, экспедиция подтвердила жизнеспособность человека в экстремальных условиях Центральной Арктики, а также доказала надежность

советской техники, приборов и мобильного жилья, выдержавших полярные морозы. Возвращение четырех участников вызвало колоссальный общественный резонанс. Экспедиция завершилась без жертв, все полярники помимо высших государственных наград и званий Героев Советского Союза получили уникальное признание со стороны академического сообщества — Президиум Академии наук СССР присудил им докторские степени по географическим наукам на основе реальных заслуг и без написания диссертационных работ.

Кадровая ротация в руководстве Главсевморпути в 1939 г.: институциональные и политические аспекты

4 марта 1939 г. начальником Главного управления Северного морского пути (ГУСМП) при СНК был назначен И. Д. Папанин вместо академика О. Ю. Шмидта, который был переведен на другую работу в связи с трансформацией государственной арктической политики. От точечных географических открытий правительство переходило к индустриальному освоению Арктики в рамках индустриализации всей промышленности. Академический подход Отто Юльевича Шмидта больше не отвечал требованиям времени. Правительству требовался жесткий администратор для форсированного развития портовой инфраструктуры и модернизации ледокольного флота. Иван Дмитриевич после успешного завершения дрейфа Северного полюса-1 по всем критериям полностью соответствовал должности.

Под его началом Главсевморпуть превратился в мощный инструмент государственной арктической политики. За годы его управления суровое побережье Северного Ледовитого океана преобразилось: в строй вступали передовые ледоколы и транспортные суда, возводились высокотехнологичные порты, множилась сеть полярных станций и научных обсерваторий. Небо над Арктикой осваивалось новыми воздушными маршрутами, а недра советского Заполярья открывали свои богатства в ходе широкомасштабной геологической разведки, давшей импульс к интенсивному промышленному освоению новых полярных территорий.

В 1940 г. под руководством И. Д. Папанина была организована блестящая экспедиция по выводу из льдов Арктики ледокола «Георгий Седов», за которую он был вторично удостоен звания Героя СССР.

Заключение

Таким образом, в масштабных предвоенных достижениях Главсевморпути отчетливо прослеживается взаимосвязь между личностными качествами руководителя и результатами его государственной деятельности. Ранний период жизни на южных морских рубежах страны не просто закалил И. Д. Папанина, но и сформировал его профессиональные интересы, которые он реализовал в ходе первых арктических экспедиций. Ввод в строй мощных ледоколов, открытие новых авиатрасс и расширение сети полярных станций в предвоенные годы стали практическим воплощением организаторского таланта и характера исследователя, сумевшего подчинить государственным интересам освоение сложнейшего арктического региона.

Список литературы

1. Папанин И. Д. Лед и пламень. — 2-е изд. — М.: Политиздат, 1984. — 430 с.
2. Тихомиров Г. С. Герой Арктики Иван Папанин. — М.: Наука, 1984. — 192 с.
3. Дукальская М. В. Из истории освоения Земли Франца-Иосифа // Российские полярные исследования. 2014. № 3 (17). С. 41—45.
4. Лапина С. А. И. Д. Папанин и экспедиция «СП-1» в детской литературе: механизмы формирования героического канона // Русская Арктика. 2022. № 16. С. 4—15.
5. Емелина М. А. Советские полярные станции на Земле Франца-Иосифа в 1929—1941 гг. // Полярные чтения — 2014. Материалы международной научно-практической конференции (Санкт-Петербург, 28—29 апреля 2014 г.). — СПб: Арктический и антарктический научно-исследовательский институт, 2015. — С. 110—121.
6. Сюзюмов Е. Иван Дмитриевич Папанин. Арктические дрейфующие станции — М.: Мысль, 1975. — 175 с.
7. 10 полярных дел Ивана Папанина // GoArctic.ru : экспертный центр по развитию Арктики. — 2019. — URL: goarctic.ru (дата обращения: 30.05.2026).
8. Члиянц Г. Из истории полярной связи: бухта Тихая и мыс Челюскин // Электросвязь. 2011. № 7. С. 11—13.
9. Папанин И. Д. Жизнь на льдине. Дневник. — М.: Мысль, 1972. — 310 с.
10. Федоров Е. К. Полярные дневники. — Л.: Ленинград Гидрометеиздат, 1979 — с. 312
11. Кренкель Э. Т. Четыре товарища: дневник — М.: Худож. лит., 1940. — 312 с.
12. Волгушева А. О. Владимир Юльевич Визе — ученый-полярник, художник, писатель, честный человек. // Гидрометеорология и экология. 2025. № 79. С.337—332.
13. Постановление Совета Народных Комиссаров. О назначении т. Папанина И. Д. Начальником Главного управления Северного Морского Пути при СНК СССР и т. н. Ширшова П. П. первым заместителем Начальника Главного управления Северного Морского Пути при СНК СССР. 4 марта 1939 г. № 264.
14. Филин П. А. Главсевморпуть в 1930-е гг.: от романтики к плановому хозяйству / П. А. Филин // Труды Арктического и антарктического научно-исследовательского института. — 2018. — Т. 360. — С. 45—58.

Информация об авторе

Волгушева Алла Олеговна, кандидат исторических наук, доцент, кафедра истории, Санкт-Петербургский горный университет императрицы Екатерины II, Volgusheva_irbis@mail.ru.

Information about authors

Volgusheva Alla Olegovna, Ph.D. Historical Sciences, Associate Professor, Department of History, Saint Petersburg Mining University of Empress Catherine II.

Статья поступила 31.05.2026

Принята в печать 24.08.2026

The article was received on 31.05.2026

The article was accepted on 24.08.2026